
А.Шамуратов
мои
встречи
с
тиграми

Р1
———
Ш 13

АМЕТ ШАМУРАТОВ

МОИ ВСТРЕЧИ С ТИГРАМИ

(Повесть)

2-е издание

Издательство «Каракалпакстан»
Нукус — 1977

Редактор Ю. Леонтичев
Худ. редактор К. Нажимов
Тех. редактор Л. Буркина

ИБ № 650

370304 — 0200
————————
Н 357 (06)— 77

Сдано в набор 1/ I-1977 г. Подписано в печать 12/XII-1977 г. Формат $70 \times 90^1/_{16}$. Бумага № 1. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,92. Уч. изд. л. 2,76. Тираж 100 000. Цена 20 к.

Отпечатано на фабрике офсетной печати Госкомитета Совета Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Ташкент, Ул. Усмана Юсупова, 86. Заказ № 886.

А. Шамуратов

МОИ ВСТРЕЧИ С ТИГРАМИ

Издательство „Каракалпакстан“
Нукус · 1977

ПРЕДИСЛОВИЕ

От сердца скажу: нет на свете ничего увлекательнее охоты! Меня прямо-таки начинает лихорадить от нетерпения, когда вдруг представится возможность поохотиться. Я готов позабыть о еде, о сне. Стоит мне от кого-нибудь услышать, что там-то тьма фазанов, водятся зайцы, кабаны или совершают перелет дикие утки и появились джейраны, я не успокоюсь, пока не доберусь до тех мест. Ради охоты я переплыл бы море, перемахнул через высокие горы. Поверьте, я не преувеличиваю. И вообще я привык говорить правду. Верите?..

Охотничий азарт не раз бросал меня в объятия смерти, не раз я уже прощался с этим миром, очутившись в когтистых объятиях свирепых хищников.

Тогда-то я и познал одну великую истину: страшнее всякого зверя – сам страх; и коварней любого хищника – трусость. Если же ты не потерял в минуту опасности хладнокровия, тебя не одолеть никакой твари. Недаром наши предки сложили такую песню:

Если хочешь, если надо,
Если страх тебе неведом,–
Одолеешь все преграды,
Потеряешь счет победам!

Только мужество и смелость
Приведут к заветной цели.
Что бы им ни захотелось,–
Все отважные имели!

Риск – ладья. И молодчину –
Переправит, не обманет.
Страх – бездонная пучина,
Лишь поддашься – вмиг затянет!

Вот так-то, друзья.

Поначалу и я, выходя на охоту, трусил, терялся. Пройдет мимо, прошумит тростником одинокий кабан, а я от растерянности и ружье-то не успею снять с плеча. Где там – стрелять! Помню, однажды в разгар жатвы ворвалось на поле стадо кабанов. Мне бы вылезть из шалаша, где я затаился, отпугнуть наглых животных, но я притих: сижу – не дышу.

Шло время, отдельные случаи складывались в жизненный опыт, и я постепенно набрался храбрости, обрел охотничьи навыки. Ежели удавалось, то стрелял в зверя из укрытия. А когда не было выхода, вступал с ним в единоборство. Научился я и переговариваться со зверьем. Бывало, спрячусь в зарослях, крикну по-фазаньему и слышу ответ... Спущусь на дно какого-нибудь пересохшего арыка, завою по-шакальему. Шакалы так дружно откликнутся, хоть уши затыкай! Умею я подражать и заячьим разговорам. И тогда вокруг меня собирается столько зайцев – не перечесть!..

В краю нашем меня прозвали Шобик-мергеном – меткий стрелок, удачливый охотник. Я был как бы произведен в младшие братья легендарного охотника Арык-мергена.

Ну, а теперь я расскажу вам, как встречался с тиграми, как из единоборства с ними выходил целым и невредимым, как с иными из них подружился. Слушая мои рассказы, многие посмеиваются: мол, не могло такого случиться... Но поскольку истории, которыми я делюсь, приключились лично со мной, где я и участник, и живой очевидец, то я обычно пропускаю насмешливые замечания мимо ушей и продолжаю рассказ без колебаний. Я ведь уже предупреждал, что говорю только правду. Так что слушайте и не осуждайте, если я отниму у вас много времени...

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Однажды ранней осенью я получил от своего дядюшки, маминого брата, известие. Он сообщал, что когда жал в пойме реки пшеницу, увидел там тигра и что с тех пор ему не спится по ночам. Он хотел, чтобы племянник приехал и побыл с ним денек-другой.

Попробуй, узнав такое, усидеть дома! Я тотчас принялся седлать коня. Шутка ли: настоящий тигр! Какое только зверье я ни промышлял, но вот охотиться на тигра пока не приходилось. Меня съедало и нетерпение, и в то же время было жутковато. Все-таки тигр – это царь зверей, могучий и коварный!

Прихватив ружье с патронами, я сел на коня и пустил его вскачь. Вскоре я был у дядюшки и выслушивал его предостережения: дескать, с тигром опасно связываться, можно пропасть ни за понюшку табака, зверь этот беспощадный и мстительный. И тебя на тот свет отправит, и из рода твоего никого в живых не оставит.

Как ни старался дядюшка нагнать на меня страх, ничто не могло охладить моего охотничьего пыла. В ответ я только пренебрежительно махнул рукой:

– Пугливая кляча и пустого ведра боится!

Напевая одну из своих любимых песенок –"Если смерть придет, то и постель не спасет!"– я отправился в поле. Дядюшка остался дома, ворча себе под нос что-то не слишком-то, наверное, для меня лестное.

Тигриный след мне и раньше приходилось видеть: по форме он похож на кошачий. Только размером превышает он след от ноги годовалого верблюжонка.

Я быстро отыскал "дядюшкиного" тигра: следы еще четко выделялись на рыхлой почве. И ринулся в погоню. Я пошел напрямик – лесной чащобой, через холмы и овраги. И не встретил не только тигра, но и захудалого щенка. Мною овладело отчаяние, я уже решил, что сбился со следа.

Солнце лениво катилось к закату и близился вечер. Смирившись со своей неудачей, я кинул ружье за плечо и с песней зашагал обратно к аулу.

Когда я поравнялся с ивами, росшими на берегу реки, передо мной промелькнула чья-то тень. Тигр! Я сорвал с плеча ружье и выстрелил наугад. Но тут же почувствовал, как тигриные зубы рванули меня и что-то подкинуло меня вверх. Мне показалось, будто добрая половина моего тела осталась в зубах хищника, другая – взлетела до облаков! Потом все померкло, и очнулся я только ночью. Вокруг была кромешная тьма. Слышался легкий шелест – это ветерок играл молодой листвой ивы, в ветвях которой я и покоился. Вот ведь куда меня занесло! Я попытался распрямиться. Куда там! И повернуться было трудно: правый бок словно одеревенел. Опираясь левой рукой о ветку, я все же чуть приподнялся. Но не успел осмотреться, как снизу до меня донеслось грозное рычание тигра. Я снова замер, я даже плотнее закрыл глаза. Так и заснул...

Разбудили меня громкие голоса.

– Эй, ты что там делаешь?..– кричали мне снизу.

Я с трудом разлепил веки. Было утро. Около ивы стояло несколько арб с сеном, а хозяева их, столпившись под деревом, разглядывали меня.

– Давай спускайся!

Я бы и сам рад спуститься, но при одной мысли, что где-то рядом меня еще сторожит тигр, мороз пробежал по коже и тело отказывалось повиноваться. Кто-то ткнул меня палкой. Я взвыл от боли.

– Эй, тигра там нет?– спросил я дрожащим голосом.

Люди, разбудившие меня, с недоумением переглянулись. Какой еще тигр? Они начали надо мной подшучивать. И только сняв меня с дерева, увидев кровь на одежде, примолкли.

Потом мои спасители развели костер, перевязали мне раны. Согревшись, я поведал им о моей первой встрече с тигром. Во время всего рассказа я опасливо озирался. Но тигра не было видно. Слушатели сочувственно покачивали головами, а один сказал:

– Ну, парень, ты, видно, в рубашке родился! Как ты только остался жив?..

Я не спорил. Это было действительно чудом.

Выпив чаю с новыми знакомыми, я приободрился и в свою очередь выслушал несколько легенд о тиграх. Слушал с интересом и чувством некоторого превосходства. Я-то ведь сам встречался с тигром! С живым! И удачлив!

x x x

Десять дней, пока не зажило плечо, я провел в доме дядюшки. Родным моим решили ничего не сообщать, чтобы понапрасну их не расстраивать.

Меня угнетало вынужденное безделье. Но пуще всего – чувство бессильной досады. Я злился на тигра, на самого себя. Душа моя жаждала отмщения. "Ну, погоди,– мысленно обращался я к тигру, поскрипывая зубами.–Я еще до тебя доберусь! Не ходить мне по земле, если я с тобой не рассчитаюсь! Только б плечо поскорей зажило..."

Но рана затягивалась плохо. И я готов был отправиться на поиски тигра с больной рукой, да не пускал дядюшка. Он то бранился, то увещевал меня, ласково выговаривая:

– Упрямство бывает полезным, только в свое время. Тебе бы его проявить,когда ты выслеживал тигра! А уж теперь сиди – раз проворонил момент.

Дядюшка только распалял меня, я хватался за ружье, но он с бесстрастным лицом отбирал его.

– Горячность – она до добра не доводит,– говорил дядюшка.– Ты еще рукой еле двигаешь, а куда же – тигра ловить!.. Положим, нападешь на след, а что толку? Нет, тут все надо обмозговать, действовать с умом,– и дядюшка, вытащив из-за пазухи нож с длинным кривым лезвием, лукаво подмигнул.– С тигром нахрапом не справишься, его надо брать хитростью.

Я слушал дядюшку внимательно. Он мне все больше нравился. Вот уж кто не горячился! Но и не трус он. И позвал меня к себе не оттого, что испугался тигра. Ему наскучило коротать дни одному. Он, однако, не предполагал, что я нагряну к нему, обуреваемый одним желанием – убить тигра! Охота на тигра тогда не входила в его расчеты. Зато сейчас... Я подвинулся к нему ближе, жадно ловил каждое его слово.

– Я заказал несколько таких ножей. Мы заманим того тигра и с помощью этих ножей покончим с ним,– заключил он.

Я смотрел на него с недоумением.

– Мне и ружье-то не помогло. А вы – ножами?..

– Вот пойдем в лес,– дядюшка засмеялся,– и ты увидишь, как охотятся на тигров.

Наконец мы идем к лесу. В зарослях камыша наткнулись на свежий тигриный след. Вышли по нему на узкую тропинку, змеившуюся среди тесно растущих молодых деревьев. Дальше тропинка терялась в непроходимых лесных дебрях. Здесь мы остановились. Дядюшка тут же приступил к делу. Я наблюдал за ним пока в полном недоумении. Он расставлял свои ножи. Одни пристроил прямо на тропинке, другие – привязал к деревьям.

– Теперь моли бога, чтобы тут прошел тигр,– сказал он.– Видишь, как плотно стоят деревья?.. С тропы тут не свернешь. И тигр обязательно напорется на ножи. Два вопьются ему в бока, третий – в брюхо. Тогда он рванется. И ножи распорют его. Вот ему и конец! Понял, охотничек?– дядя со смешком щелкнул у меня под носом пальцами.

Я отдернул голову. Глаза мои широко раскрылись от изумления.

Мы вернулись домой. И с этой поры аккуратно наведывались на тропу, где была сооружена хитроумная ловушка.

На четвертый день я заметил кровь на ножах, а на среднем – рыжие шерстинки. Кровавый след потянулся в лес. Я с опаской пошел по нему и вскоре увидел царя зверей – мертвого, с распоротым животом.

Все произошло так, как и предсказывал дядюшка.

Со всех ног я помчался за ним. А когда привел его к месту гибели тигра, дядя удовлетворенно проговорил:

– Вот так-то, племянничек. В охоте на тигра – без хитрости никак не обойтись!

Я был весьма признателен дядюшке за преподанный урок. Это мне пригодилось в дальнейшем.

ТРИ СТРАШНЫХ ДНЯ

Прошел год, я начал уже забывать о своей первой встрече с тигром.

Но вот в один из знойных летних дней аул охватила тревога. Пронесся слух, что идет тигр. Люди прятались кто куда: запирались в домах, залезали на крыши, даже на деревья.

И только я не думал скрываться. Ведь народная мудрость гласит: побежденный все кулаками машет! Вот и у меня руки чесались. Хотел снова схватиться с тигром. Я снял со стены ружье, кинулся за патронами. И с досадой обнаружил, что среди них не было ни одного, заряженного пулей. Ну, а дробью в тигра стрелять бессмысленно. В сердцах я отбросил ружье и выбежал на улицу, чтобы хоть узнать – куда пойдет тигр.

В ауле еще царила суматоха, будто обрушилось стихийное бедствие. Крики, визг детей. Выли собаки, прижимаясь к ногам хозяев. Но так как тигр терпеть не может собак, люди в ужасе гнали их от себя, чтобы не навлечь беду на собственную голову.

Наконец в аул вступил тигр. Медленно, опустив крупную голову, он шествовал по улице. Не обращал внимания ни на вой собак, ни на беспорядочный шум, ни на камни, выпущенные из сапканов[1]. Так он дошел до центральной площади – маленькой, всего в три танапа[2]. С восточной стороны к площади примыкал дувал, за ним находился скотный двор нашего бая. Стена была высокой, но тигр легко перемахнул через нее. Больше мы его не видели. Байский скотный двор, видно, пришелся хищнику по душе: он три дня не выходил оттуда. И все эти дни аул жил в страхе. Люди оставались там, где спрятались. Кормились чем бог посылал, слово боялись вымолвить. Слышалось блеяние овец и мычанье коров, оставленных без присмотра.

---

[1] Сапкан – праща.

[2] Танап – мера земли, равная 0,4 гектара.

Я сходил в ближние аулы и с трудом набрал свинца на пять–шесть пуль. Зарядив ружье, направился к дувалу, за которым затаился тигр. Через щель в воротах мне ничего не удалось увидеть. Тогда я кликнул на подмогу аульных парней. Мы раздобыли высокую лестницу, приставили к дувалу, и я залез на нее. С опаской заглянув на скотный двор, увидел тигра. Он лежал в дальнем углу, в тени забора, вытянувшись, прильнув мордой к передним лапам. Он не шевелился. Видимо, отдыхал.

Я снова спустился на землю и призадумался.

Войти во двор через ворота – рискованно, стрелять с лестницы тоже было небезопасно. Тигр спал далеко от этого места, я мог промахнуться. К тому же он лежит головой ко мне, и если тигр откроет глаза раньше, чем я выстрелю?.. Страшно было подумать, чем все могло кончиться.

Пораскинув мозгами, я обошел дувал. И там, где было всего ближе к спящему тигру, осторожно проковырял отверстие. Такое, чтобы можно было просунуть в него ствол ружья.

Аул молился за меня. Лишь завзятые ворчуны суеверно вздыхали: "Ох, наживем беду из–за этого смелого парня. Тигры – они мстительные..."

Но я уже целился в хищника, в его левое ухо. Прозвучал выстрел, ружье дрогнуло у меня в руках, а тигр высоко подпрыгнул. Упав на лапы, он начал кружиться на месте, словно гонялся за собственным хвостом. Я выстрелил еще раз. Тигр рухнул на землю.

Я вытащил ружье из отверстия в дувале, не торопясь перекинул ремень за плечо. Мое спокойствие, видно, убедило односельчан в том, что хищник убит. И на площадь хлынула толпа женщин и мужчин. Мы открыли ворота, подошли к тигру. Да, он был мертв. Первая моя пуля попала ему в ухо, вторая – в сердце.

Люди вздохнули с облегчением. В ауле поднялся ликующий шум. Все заспешили к родным очагам, к привычным заботам, к дастарханам, уставленным обильной едой. Мне пришлось выслушать столько слов благодарности, что другому бы этого хватило на всю жизнь. Кстати, с тех пор и прозвали меня Шобик–мергеном, младшим братом знаменитого охотника Арык–мергена. Все это придало мне новых сил и уверенности, еще больше разжигало мою охотничью страсть.

В ОБЪЯТИЯХ ТИГРА

Надо сказать, что рыбалка – тоже увлекательное занятие! И уж коли я собрался на рыбалку, то ничто не может удержать меня дома: ни непогода, ни срочные дела.

Наша Аму-Дарья – река бурная и коварная. Несется она к Аралу желтым потоком, размывая берега, грозя паводками... Но зато уж и рыбой она богата! Водятся тут и большущие, пудов на восемь, сомы, и усачи, и сазаны, и осетры, а уж о разной мелочи и говорить нечего. Кого же не соблазнит легкий улов!..

Правда, чтобы рыбалка была удачной, надо знать, когда и какая рыба ловится, на что ее ловить. В июле или августе, в пору топан-тасу – больших летних паводков, хорошо идет сом и усач. На сома приходится готовить особую снасть, особые сети – обычные он рвет. Итак, каждый год, в топан-тасу, я отправляюсь рыбачить.

Вот как-то в августе сидел я на берегу Аму-Дарьи, в том месте, где она вихрится водоворотами, и поглядывал на поплавок. Уже перевалило за полночь, но хорошо светила луна, и видно было далеко вокруг. С севера налетел прохладный ветер, за спиной у меня глухо шумел лес, и шелест быстрых волн сливался с тревожным шуршанием камыша. Признаюсь честно, было мне чуть жутковато. Течение покачивало поплавок, а рыба не клевала. Я встал и прошел с острогой в руках к удочкам, которые поставил ниже по течению, в зарослях камыша. И – о радость! – на одну из них попался сом. Он ходил на крючке у самой поверхности воды, я хорошо его видел. Я осторожно потянул леску. Она не поддавалась. Тогда я поднял острогу, нацелился и вонзил ее в сомовий бок. Рыбина оказалась тяжелой, я едва ее вытащил на берег.

В это время совсем рядом послышалось грозное рычанье. И не успел я опомниться, как на меня навалилось что-то мягкое и грузное. Я был прижат к земле. В сознании мелькнуло: тигр!..

И что бы вы думали? Да, то был, действительно, тигр. Клянусь своей жизнью, которая тогда висела на волоске.

Продолжая урчать, он схватил меня зубами за рукав, ловко кинул себе на спину и понес. Нечего и говорить, что я перепугался насмерть и даже потерял сознание. А когда очнулся, тигр со мной грешным уже петлял по узким тропам в зарослях турангила. Колючки, кустарник до крови исцарапали лицо, в клочья изодрали одежду. Я шевельнулся, и тигр сразу предупреждающе зарычал, больно куснув мне руку. "Ну, теперь уж каюк,– подумалось мне.– Крышка". В народе у нас говорят,

что тигр, хотя и не людоед, но раз в два-три года у него появляется желание напасть на человека. И еще я вспомнил разговоры о мстительном характере тигров. Видно, этот, на спине у которого я лежу, и призван был отомстить мне за своего брата, которого недавно я пристрелил. Если это так, то он меня, наверно, сперва помучает, а сожрет уж потом...

Мы – то есть тигр и в какой-то степени я – миновали джидовую рощу и оказались в камышовых зарослях. Бесшумно занимался рассвет. Было очень тихо, камыш потрескивал лишь под лапами тигра. Я покорно лежал у него на спине, смирившись с мыслью о безвременной смерти. Ведь от судьбы не уйдешь...

Перед моим затуманенным взором прошла вся моя короткая жизнь, все двадцать лет, включая этот, последний для меня год...

Я принялся размышлять о жизни и о смерти. Одни умирают от старости и болезней, другие – от несчастных случаев, третьи – в битвах. Это самая героическая смерть, и каждый, кто смел и отважен, мечтает умереть в бою. А что же такое – подлинная отвага? Если человек защищает свою шкуру, то это еще не доблесть! Смелость порождается честностью, страстным желанием посвятить жизнь служению Родине. Смерть не страшна, если есть за что погибнуть!

Во имя чего же должен был умереть я?.. В краю моем спокойно, сам я в расцвете сил и немало мог бы еще принести пользы. И все-таки мне суждено закончить бренное существование в логове кровожадного зверя. И тут ничего не попишешь... Если бы я, предположим, очутился во власти врага, то и тогда не стал бы молить о пощаде. Ну, а смягчить тигра? Дело само по себе было бессмысленное, а потому и безнадежное. Если бы он и способен был понять человеческую боль, я бы и перед ним не унизился! "Смерть любит трусов",– так говорят в народе. Помирать-то приходится раз, и уж коли подступила к тебе безглазая, что толку дрожать от страха? Ведь все равно она не отступится. Только, празднуя труса, ты умрешь сорок раз.

Так я себя успокаивал. А в это время, окрасив небо нежным багрянцем, над горизонтом поднялось солнце. Начался новый день. И мысли мои потекли по руслу другому. "Ладно,– думал я,– если уж уготована мне гибель, встречу ее достойно. Но не достойней ли будет постараться ее избежать? Я все-таки не какой-нибудь глупый зверь. Я человек, венец творения! Так, значит: за одну руку меня держит зубами тигр? Ну, а если свободной рукой схватить его за глотку и не отпускать до тех пор, пока он не задохнется? Э-э-э, чушь: тигра и обеими-то руками не задушишь! –Я пожалел, что забыл дома кинжал, который обычно всегда бывал при мне.–Вот уж поистине не повезло!"

Вот тигр остановился. Сдавив зубами мою руку, он потом разжал пасть и угрожающе что-то проурчал. Я понял его команду: не двигайся!

Мы находились перед завалом из сухого камыша, загораживающего, по всей видимости, вход в тигриное логово. Так оно и оказалось. Тигр передними лапами отгреб камыш,и навстречу ему выбежал полосатый тигренок, величиной со среднего щенка. Значит, я катался не на тигре, а на тигрице! А они, по слухам, бывают еще свирепей...

Тигрица занесла меня в логово и сбросила на землю. Тигренок, вбежавший следом, обнюхал меня. После принялся со мной играть. Он лизал мне лицо, легонько покусывал и бил мягкой лапой. Тигрица, взглянув на него с ласковым поощрением, на всякий случай еще раз заурчала на меня и улеглась поперек выхода. Через некоторое время она подняла голову и зарычала. Это опять был приказ: лежи, мол, не шевелись и терпи, что мой детеныш с тобой бы ни делал. Терплю. А тигренок в ответ на рычанье матери лишь ушами повел и продолжал резвиться. Особенно нравилось ему трепать зубами мои сапоги и остатки одежды.

Прошло минут десять. Я все лежал, боясь шевельнуться, и ждал, чем все закончится. Тигрица, кажется, заснула. Дыхание ее стало ровным, спокойным. В душе я даже посочувствовал ей: намаялась, видно, бедная. Всю ночь рыскала в поисках добычи, а пришлось удовлетвориться каким-то человечишкой... И тут я разозлился. Подожди, я тебе еще покажу, какой я человечишка! А ну, Шобик-мерген, довольно терпеть, надо действовать!

Я осторожно приподнялся на локте и осмотрелся. Жилье у тигрицы было хоть куда! Стенами служили плотные корневища камыша, на земле настелена сухая трава, чтобы спать было мягко. И вход загорожен камышом. Причем так, что куда падают солнечные лучи, там камыша побольше. Все было предусмотрено. Вот тебе и зверь!

Тигренку между тем надоело со мной играть, он тоже задремал. "Пора,- мысленно подгонял я себя.- Удобней момента едва ли дождаться. Шевели же мозгами, ищи выход, не мешкай. Иначе - конец!" Но только где он - этот выход?.. Через тигрицу незаметно не перешагнешь: тут же проснется. Проделать лаз в стене тоже вряд ли удастся. Корневища так тесно переплелись, что их голыми руками не разорвешь. Видно, остается все-таки одно: тихо, с соблюдением величайшей предосторожности перелезть через тигрицу.

Я встал с места, подкрался на цыпочках... Остановился, чтобы унять биение сердца. А снаружи ослепительно сияло солнце, и ветерок,

залетевший сюда, в логово зверя, приятно овевал мне лицо. Казалось, он звал меня! Я еще раз вздохнул и решился. "Что будет! – сказал я себе.– Все равно пропадать".

Тигрица лежала, уткнувшись мордой в траву. Подойдя к ней вплотную, я поставил одну ногу возле ее задней лапы, а другую медленно перенес через полосатое туловище. Вот я уже обеими ногами стою на тропе. Не оглядываясь, неслышными шагами я стал удаляться от страшного места. Потом рванул что было мочи, помчался вперед по тропинке, не обращая внимания ни на колючки, цепляющие кожу, ни на ветки, которые хватали меня за ноги, больно хлестали по лицу.

Летел я, как камень, выпущенный из пращи. За каких-нибудь четверть часа добежал до Аму-Дарьи. Берег тут был крутой, высокий, но раздумывать некогда, минутная задержка могла обернуться смертельной опасностью. С размаху я прыгнул в реку. К счастью, мне и до этого не раз доводилось переплывать Аму-Дарью, я хорошо был знаком с ее повадками. Хотя меня крутило и вертело быстрым течением, но я благополучно достиг противоположного берега. Там я разделся и

начал отжимать одежду. И скоро заметил на том месте, где я бросился в воду, столб густой пыли. Это тигрица в бешенстве рыла лапами землю. Вот и яростный рев донесся до моего слуха...

Быстро накинув на себя одежонку, я поспешил в аул.

Два дня потом отлеживался дома, постепенно приходя в себя. На третий позвал приятелей, и мы, вооружившись, отправились на берег реки, где я оставил свою рыболовную снасть. Сом, которого я заколол острогой, лежал в воде. Видимо, скатился туда с берега. А на две удочки еще попались здоровенные усачи. Собрав снасть, нагрузившись рыбой, мы вернулись домой. Дорогой я рассказал, как побывал в плену у тигрицы. Мои слушатели цокали языками: одни восхищенно, а другие – недоверчиво. На последних я не обижался: этому и впрямь трудно поверить.

С той поры я даже на рыбалку не хожу без ружья.

Я ЗАБОЧУСЬ О ТИГРЕ

Как-то, возвратясь с охоты, я прилег отдохнуть. Скоро меня сморил сон. Очнулся я от скрипа отворившейся дверцы. Наверно, была уже полночь. Юрту заполнял рассеянный лунный свет. Я поднял голову и увидел у своего изголовья... Ну, конечно же, тигра!

У меня от страха душа ушла в пятки. Я зажмурился. Было такое ощущение, будто я попал в водоворот, меня увлекло в пучину, ударило о дно. Силы меня оставили, я не мог даже шевельнуться. "Может, все это лишь приснилось?.."– в следующий момент подумал я и осторожно приоткрыл глаза, скосив их направо. Тигр сидел рядом со мной. И был он какой-то странный, непохожий на своих свирепых собратьев, с которыми мне до того приходилось встречаться. Он сидел и подобострастно, как собака перед хозяином, помахивал хвостом. Он будто стонал от боли и смотрел теперь на меня с мольбой. Время от времени он наклонял морду к своей задней лапе, облизывал ее широким языком и вновь обращал на меня просящий взгляд.

Страх мой сменился удивлением. Потом мелькнула догадка: со зверем что-то стряслось. И он ждет помощи.

Я лежал на полу. Над моей головой два фонарика – горящие глаза тигра. Лапы его чуть не касались подушки. Набравшись, наконец, храбрости, я приподнялся и погладил одну из лап, льстиво приговаривая, как учили меня еще старики: "Шерим-шерим, ты смелый, ты добрый, ты самый смелый и добрый тигр!.." Затем я встал с постели, с

опаской поглядывая на незваного гостя: кто знает, что у него на уме! Но тигр продолжал сидеть спокойно и мирно помахивал хвостом. Я зажег лампу, опять оглянулся на зверя. И тут мне подумалось, что ведь в сущности все тигры похожи. И передо мной может быть сейчас тот, от которого я недавно удрал. Как бы при свете он не узнал меня.

Снова припомнились рассказы стариков о мстительном характере и злопамятстве тигров. Меня била дрожь. Но, взяв себя в руки, я шагнул к тигру.

Надо было все-таки выяснить, что с ним случилось, почему он то и дело лижет лапу. Да она вся в крови!.. Я приподнял ее и увидел большую занозу, вонзившуюся в подушечку между когтями. Вот оно в чем дело: зверь пришел к человеку лечиться! Ухватив занозу, я попробовал ее вытащить. Тигр так взревел от боли, что пришлось отпустить его лапу. Мне даже показалось: из глаз у него выкатились слезы. Бедняга! Как же ему помочь?.. Пускай он хищник, но сейчас он в беде, и кому же о нем позаботиться, как не мне – специалисту по тиграм?

Я разыскал сумку, где у меня обычно лежали инструменты, достал оттуда щипцы. Приподняв тигриную лапу, я сжал щипцами выступающий наружу конец занозы и рванул что было сил. Тигр взвыл, до смерти меня перепугав. Заноза была теперь у меня в щипцах, и я с интересом ее рассматривал. Это оказалась колючка джиды, длиной в палец.

Мой пациент, однако, продолжал реветь. Тогда я сказал ему с ласковой укоризной:

– Не любишь, когда больно? И тоже дорожишь своим здоровьем и жизнью? Ну, как не стыдно? Перестань!

Не знаю, понял ли меня тигр, но он примолк. Я его уже совсем не боялся, только жалел. И чувствовал свое превосходство: человек переносит боль и страдания куда терпеливей!

Тигр, успокоившись, тщательно вылизал место, откуда была удалена заноза и поднялся. Кинув на прощание благодарный взгляд и трижды лизнув в лицо – я сидел на корточках,– он удалился, прихрамывая. А я в изумлении покачивал головой: бывают же чудеса на свете! Если расскажешь, не поверят...

В следующую ночь, засыпая, я услышал, как возле юрты упало что-то тяжелое. Схватив ружье, я вышел на улицу. Гляжу, а ко мне опять пожаловал вчерашний гость! Стрелять я, конечно, не стал, кивнул ему, как старому и доброму знакомому. Тигр стоял передо мной, помахивая длинным хвостом. Перед ним лежала задранная овца. Он мордой подтолкнул ее мне и поднял просящий взгляд. "Это, мол, я тебе принес, ты уж не побрезгуй, прими скромный дар". Потом он повернулся и пошел прочь. Он еще раз оглянулся на меня и вскоре растворился в темноте.

Таким образом тигр расплатился со мной за оказанную ему услугу. Я видел, что он уходил с чувством хорошо исполненного долга. Выходит, и звери понимают, когда за добро надо платить добром.

Я СПАСАЮ ТИГРЕНКА

Чтобы чем-то занять себя до начала охотничьего сезона, я отправился в пойму реки. Обработал там небольшой участок земли и посадил дыни. Возле бахчи соорудил шалашик, в нем и ночевал.

В эту пору самое большое бедствие для дехканина – это кабаны. Если уж нагрянут на бахчу, то так перероют землю, что уничтожат все, что растет. Я только и был занят тем, что отражал их набеги. Едва стемнеет, ложусь в борозде с ружьем и поджидаю непрошеных гостей.

Поздней ночью как-то услышал я густой топот и понял, что к бахче приближается большое кабанье стадо. Вот авангард зашел на бахчу, и я приготовился стрелять. Но тут произошло непонятное: кабаны вдруг разбежались, словно кто спугнул их. В недоумении я почесал затылок. Кого же это они испугались? Меня? Нет, меня они не могли заметить, я укрылся надежно, лежал не двигаясь... Но ведь кто-то же заставил их броситься врассыпную. Значит, он был сильнее и страшнее кабанов. Я внимательно огляделся. Ночь была ясная, безветренная, на землю широко лился лунный свет. В этом свете видны были и маслянистая гладь Аму-Дарьи, и черные силуэты деревьев на том берегу, и заросли джиды, подступавшие к самой воде. В ночи теперь царили тишина и покой.

Я встал и направился к шалашу. И у самого шалаша столкнулся... Вы угадали: с тигром! Он не торопясь вышел навстречу, а до того, видно, поджидал меня в шалаше.

Честное слово, я не испугался! Ведь это была не первая моя встреча. Я даже начал к ним привыкать – и к тиграм, и к встречам с ними.

Нас разделяло несколько шагов. Если бы я даже захотел, то не успел бы выстрелить или удрать. Но я не пытался сделать ни того, ни другого. Тигр тоже вел себя миролюбиво. Он смотрел на меня и вилял хвостом. Знакомая ситуация! Вроде бы и этому от меня что-то нужно... Отбросив в сторону ружье, я подошел ближе к полосатому пришельцу, повторяя на всякий случай: "Шерим-шерим, ты храбрый, ты добрый..." Тигр, как видно, нуждался в моей помощи, но я не сразу понял, что с ним.

Может, он был ранен или занедужил? А может, в лапе у него, как у недавнего моего знакомца, сидит заноза? Я осмотрел тигра: все у него будто было в порядке. Тогда он, продолжая вилять хвостом и жалобно повизгивая, медленно пошел через бахчу. Он то и дело останавливался, оглядывался, приглашая следовать за собой.

Когда меня о чем-нибудь просят, я не в силах отказать. Позабыв о ружье, о дынях, которые нужно было охранять от кабанов, я двинулся за тигром, заинтересованный его странным поведением. Я предчувствовал, что меня ждет сюрприз, и сгорал от нетерпения и любопытства.

Тигр шествовал впереди, показывая дорогу. Временами он поворачивал ко мне голову, проверяя, не отстал ли я. И еще он будто меня подбадривал: не бойся, шагай уверенней, ничего с тобой не случится. Продравшись сквозь заросли, мы вступили на болотистую почву, под

ногами захлюпала вода. Близился рассвет. Луна постепенно бледнела, а небо на востоке окрашивалось в нежно-алые тона.

Мы шли по пустынной степи, лежащей севернее Казан-Кеткена – одного из рукавов Аму-Дарьи. Места эти были мне знакомы. Да, пожалуй, и во всей окрестности не было уголка, куда бы не завлекала меня охотничья страсть. Не было на амударьинских берегах ни одного холмика, на который бы я не поднимался, ни одного ручейка, через который бы я не переходил.

Солнце уже взошло, а тигр все вел и вел меня. Но вот он, наконец, остановился, и я увидел тигриное логово. Оттуда доносилось отчаянное мяуканье. Казалось, орет кошка, которой только что наступили на хвост. Я сразу догадался: в логове – тигренок, с ним-то и приключилось несчастье. Вслед за тигром я прошел к малышу. Красный, он катался по камышовой подстилке. Тигрица, лизнув меня шершавым языком, уставилась на меня. Я нагнулся над тигренком. Мне стало ясно, отчего он так мучился. Его тело было усеяно муравьями, местами оно уже кровоточило, а ноздри и губы воспалились, опухли. Тигрица, как видно, ничего не могла поделать с муравьями, они оказались посильнее могучего зверя. И тогда-то тигрица бросилась за помощью к человеку. Звери, хотя они и враждуют с человеком, но признают его безусловное превосходство во всем. Я воздал должное самоотверженности тигрицы. Она прибежала ко мне, не испугавшись ружья, рискуя своей жизнью ради детеныша, попавшего в беду. Ведь она была матерью!

Взяв тигренка на руки, я смахнул с него муравьев, настелил в углу камыш горкой и уложил беднягу на эту постель. Тигрица прилегла возле и принялась его кормить. А я занялся уничтожением муравьиного народа, разползшегося по логову. Я плотно утрамбовал землю, и скоро в тигрином жилище не осталось ни одного насекомого. Покончив с муравьями, я попрощался с тигрицей кивком головы и, не спуская с нее глаз, попятился задом и выбрался наружу. Тигрица не двигалась. Она проводила меня взглядом, в котором теплилась благодарность.

x x x

Лето подходило к концу. Я убрал все дыни ранних сортов, остались на бахче только осенние.

Как-то я сидел в шалаше и ел дыню. Вдруг вижу: из ближнего леса выходит тигр и направляется прямо ко мне. Я решил, что он меня не заметил. Вскочив на ноги, схватил ружье. Тигр сразу остановился. Но он удирать не думал. Постоял немного, смотря в мою сторону и виляя

хвостом, и снова двинулся к шалашу. Я отложил ружье. Ведь тигр не тронет человека, если он его не думает убить. А если уж тигр хвостом виляет – у него мирные намерения.

Зверь все приближался... Я всмотрелся в него пристальней и ахнул от удивления: ведь это была тигрица, детеныша которой я избавил от муравьев! Что же теперь ей понадобилось? Она подошла ко мне вплотную, я оглядел ее: цела–здорова. Значит, она не ко мне пришла, а за мной. И верно, она, как в прошлый раз, стала медленно удаляться, поминутно оборачиваясь и взглядом приглашая меня за собой.

Мы пошли той же дорогой. Миновали тугаи, болото, камышовые заросли. Там, где камыш рос особенно густо, тигрица задержалась. И тут я увидел прикрытый камышом вход в тигриное логово. Значит, знакомая соорудила себе новое жилье. Это хорошо. Но где же ее малыш? Я заглянул внутрь, там никого не было. Куда же делся тигренок? Неужто его так и заели муравьи? С сочувствием я смотрел на тигрицу. Несчастная, потеряв детеныша, она, видно, не находила себе места и призвала меня разделить ее горе. Лишиться единственного малыша – нет для матери большего горя! Мое сердце разрывалось от сострадания, мне невольно припомнились строки из эпоса "Шарияр", где мать оплакивает сына:

"У ястреба–птицы птенец несмышленый
Ютится в гнезде, на березе зеленой,
Как примется ветер березу качать –
В тревоге и страхе замечется мать.
У иволги–птицы птенец несмышленый
Надежно укрыт тополиною кроной.
Но если к гнезду вдруг подступит вода,
То мать прилетит – и минует беда.
Не знаю, дитя мое, где же ты ныне?
Быть может, погиб в раскаленной пустыне?
Быть может, на дне ты речном иль озерном?
Мне в горе–отчаяньи век вековать.
В слезах я купаюсь, несчастная мать!.."

Мне очень хотелось помочь бедной тигрице! Это ведь наш долг – помогать матерям. Только так мы и сможем оправдать молоко, которым вскормлены.

Но тигрица пошла дальше. И мне ничего не оставалось, как следовать за ней. Я узнавал дорогу, она вела меня к старому логову.

Вот мы у цели нашего путешествия. Но почему так изменилось все вокруг?.. Я хорошо помнил: логово находилось между двумя пересохшими речными руслами. Видимо, вода в реке поднялась и заполнила эти русла до краев. Передо мной открылось озеро, а где-то посередине темнел небольшой островок. Там было старое логово, а в нем – тигренок. Вода все поднималась, так что дорога была каждая минута. Мы стояли на берегу, тигрица не отрывала глаз от островка. Если бы она могла говорить, то, наверно, попросила: "Ты уж выручи моего малыша, а я в долгу не останусь. Век буду помнить твою услугу". Да, вся надежда у нее теперь была на меня. Сама она не могла достичь острова: тигры боятся воды.

Я торопливо разделся. У самого берега было уже глубоко, и я поплыл. Когда стало мелко, встал на ноги. Из логова неслось какое-то дребезжащее мяуканье. Малыш, видимо, уже охрип от крика.

Тигренок дрожал от страха, был совсем бессилен. Он ведь не ел несколько дней. Я взял его на руки и понес к воде. Тигренок не сопротивлялся, только трясся всем телом. Подняв его, я поплыл обратно. Тигрица, ожидая меня, расхаживала по берегу с воем, похожим на стон. Ступив на твердую землю, я положил тигренка. Она обнюхала его, облизала и начала кормить. Долго я наблюдал эту сцену, тронутый до слез. А когда продрог на ветру, то спохватился, что забыл одеться.

Накормив малыша, тигрица поднялась, взглянув на меня с признательностью. Затем, ухватив тигренка за загривок, понесла его к своему новому логову. Я отправился следом. Подождал, пока они удобно не устроятся в жилище, и зашагал со спокойной душой к бахче.

СХВАТКА С ТИГРОМ

Я предугадываю, что, приготовившись выслушать мой рассказ о единоборстве с тигром, вы недоверчиво ухмыльнетесь или же представите меня этаким могучим богатырем. А я не богатырь. И не люблю врать. Но был со мной такой случай: схватился я с тигром и остался в живых. Это сущая правда, и ничего не вижу я в этом особенного. Говорят же в народе, что умеючи можно зараз пообедать дважды.

Кому в пору летнего паводка доводилось бывать на Аму-Дарье, тот мог убедиться, насколько эта река коварна, своенравна. Она быстро вздувается, выходит из берегов, разливается вокруг широко, пока не упрется в дамбы.

Настоящего рыбака тогда не удержишь никакой силой. В воде, залившей пойменные луга, полно сазанов и усачей. Они устремляются сюда, чтобы попастись на сочной траве. Тут только не зевай!.. Начнешь рыбачить с первыми лучами солнца и не заметишь, как пролетит время, наступит вечер.

Я отправился на реку в первое утро паводка. Шли дни, а я увлекся настолько, что и не думал возвращаться домой. Как-то присоединились ко мне приятели, и мы взялись за остроги. Меньше чем за сутки я набил около тридцати крупных сазанов. Последний сазан никак мне не хотел поддаваться. Я видел сквозь прозрачную воду, как от меня он уплывает. Место было мелкое, я погнался за увертливой рыбиной и только метнул в нее острогу, как из густого кустарника, росшего на берегу над водой, на меня выпрыгнул... тигр! Он навалился передними лапами мне на плечи, но я устоял. Обеими руками, не растерявшись, я

схватил зверя за мягкие складки шкуры у загривка, а головой уперся ему под нижнюю челюсть. Я стиснул его мертвой хваткой. Поначалу он, яростно рыча, пытался вырваться, потом присмирел, обмяк. Мне даже показалось, что я сломал ему шейные позвонки. А может, он только притворился ослабевшим, чтобы усыпить мою бдительность?..

Я сжимал его все крепче, а сам лихорадочно соображал, как быть дальше. Силы у меня были на исходе. Отпустить зверя? А если то, что я взял над ним верх, разъярило его? Ведь тогда он снова кинется на меня и разорвет в куски. А может, все обойдется? Я слышал, что если тигру, напавшему на человека, не удается с первого прыжка одолеть его, он не лезет в новую схватку, а отступает, стараясь сохранить достоинство. И делает вид, будто ничего не случилось, будто он ни на кого не набрасывался и не был никем побежден. Вспомнив эти тигриные повадки, я решил рискнуть. Разжал руки и стремительно метнулся в сторону. Тигр, оказавшись на всех четырех лапах, действительно не выразил охоты продолжать схватку. Не повернув ко мне головы, он неторопливой, мягкой поступью стал удаляться от места битвы. Я смотрел ему вслед, потрясенный и удивленный.

Ко мне подошли приятели, увидевшие, как напал на меня тигр. Они, оказывается, все это время были неподалеку и боялись не только подступиться, но и глядеть на нашу борьбу.

– Мы думали, что тигр тебя давно растерзал,– проговорил один из них.– От страха-то у нас души в пятки ушли. Мы бы удрали, но вот с места никак не могли сдвинуться. А ты настоящий богатырь!

Я им ответил стишками:

Кто дважды зараз сумеет поесть,
Кому дороги и слава, и честь,
Кто смел и умел и смекалист притом,
Тот может шагнуть – через холм, через дом!..

Я ОХОЧУСЬ НА ДИКИХ ГУСЕЙ

Не успел я спрятать до лучших времен рыболовную снасть, как услышал, что неподалеку от Ак-Дарьи, на озере Кара-Терен, полно диких гусей и уток.

Сами понимаете, я не стал медлить. Тут же схватил ружье и отправился на Кара-Терен.

Всякий сапожник – товарищ другому сапожнику. Так говорят в народе. На озере я разыскал Нурлыбая-гарры[1], такого же заядлого охотника. Правда, мне, честно сознаюсь, далеко было до старика! Я еще не

встречал более меткого стрелка. Если уж он прицелится и ударит влет, так обязательно собьет враз двух–трех птиц. Дичи ни разу не удавалось от него уйти.

Помню, несколько лет назад мы тоже охотились вместе. На айдине[2] плавали дикие гуси. Мы с Нурлыбаем–гарры сидели в камышах. Старик, улыбаясь, сказал:

– Ты пока не стреляй. Погляди, что я буду делать.

Мне страсть как хотелось побаловаться ружьишком, но нехорошо было ослушаться старшего. Я согласно кивнул головой и стал наблюдать за действиями Нурлыбая–гарры.

Старик связал десятка три камышин и надел это сооружение на голову. Навтыкал он камышинок и за пояс, даже ствол ружья ими обернул. Таким образом, тщательно замаскировавшись, погрузившись в воду, он медленно двинулся вперед. Казалось, что плывет по озеру камышовый островок. Когда до диких гусей осталось совсем немного, охотник прицелился и – клянусь, что не вру! – тремя выстрелами подбил девять гусей. Пятерых первым выстрелом, трех – вторым, а последнего гуся – третьим. Восхищенный его охотничьей сноровкой, я подбежал к старику и от души обнял его. В эту минуту он выглядел совсем молодым: морщины на лице разгладились, глаза лучились. Он весь сиял, радуясь удаче. С той поры я перед ним преклоняюсь, считаю его своим учителем.

На этот раз Нурлыбай–гарры не стал торопиться с охотой. Целый день я был его гостем, он угощал меня жареной и вареной гусятиной, неторопливо беседовал.

Только на следующее утро мы пошли на озеро. Нам не повезло. Близился полдень, а мы подстрелили всего несколько лысух. Двух я, трех – старик.

Наконец на озерной глади мы заметили двух диких гусей. До ближнего было метров сто. Мы спрятались в камыше и на корточках, бесшумно, двинулись к гусям. Я не видел ничего, кроме своей птицы. Когда мы подобрались к добыче на расстояние ружейного выстрела, старик дернул меня за рубаху: стой, мол, оглянись!.. Я отмахнулся и, охваченный азартом, продолжал продвигаться вперед. Пора стрелять... Но только я поймал красавца гуся на мушку, он вдруг исчез. Я даже глазами захлопал от удивления. Куда же он делся? Опустив ружье, я огляделся. И увидел справа от себя тигра!.. В зубах он держал моего

---

[1] Гарры – пожилой человек, старик.

[2] Айдин – вода на озере, свободная от зарослей камыша.

гуся, а другой был в воздухе. Вы знаете, что тигр для меня – зрелище привычное. А вот гуся нельзя было упустить. Я пальнул в него влет. Упал гусь на берег. Выстрелив столь удачно, я с победным видом повернулся к старику. А на нем лица не было. Он принялся сердито выговаривать мне:

– Ты совсем забыл об осторожности? Его тормошат, а он и ухом не ведет!.. Сам мог очутиться в пасти у тигра!

– Значит, вы давно его увидели?

– Да! И пытался тебя предупредить. С тигром, сынок, ухо держи востро. Нет на свете хитрее и ловче зверя...

Я улыбнулся.

Мы добыли в тот день на двоих лишь одного гуся. И все из-за тигра.

ТИГР КАТАЕТСЯ НА ВЕРБЛЮДЕ

Мне рассказывали, что в джунглях обезьяны любят кататься на ослах. Зная об этой их слабости, охотники намазывают на спины ослов клей толстым слоем и отпускают их. Обезьяны – по две, три – вспрыгивают на осла, да так и прилипают к нему. Их бери тогда голыми руками.

Я и сам в детстве видел, как шуты, разъезжавшие на ишаках по городам, сажали позади себя обезьян. И те млели от удовольствия, кривлялись нам на потеху.

Больше я, пожалуй, не припомню случая, когда животное каталось бы на животном.

Но мне вот – хотите верьте, хотите нет – однажды довелось наблюдать, как тигр катался на верблюде! Удивительное и необычайное зрелище! Как вспомню об этом, так до сих пор меня смех разбирает. Не забуду я этой забавной картины, наверно, до конца своей жизни.

Произошло это в пору, когда начал поспевать урюк. Аул наш раскинулся вблизи канала Киятжарган-Шуманай. Земли на противоположном берегу были когда-то заняты посевами пшеницы, а теперь пустовали. На нашей же стороне, от аула до самого канала, тянулся сад. И больше всего в нем было урюковых деревьев.

С ружьем за плечами я бродил по саду, остановился под раскидистым урюковым деревом, которому было, наверно, не менее сорока лет. Оставив ружье у ствола, я забрался на дерево и принялся с наслаждением уплетать сочные плоды. Потом я заметил на другом берегу канала верблюда. Он спокойно себе лежал на небольшом холме. И еще я

увидел, что к нему подкрадывался?.. Сперва было я подумал, что это бродячий пес, а когда пригляделся – мать родная! – тигр!..

Сколько лет я занимаюсь охотой, в какие переделки ни попадал, кажется, уж отвык удивляться и многое мог предугадать заранее, но то, чему я стал невольным свидетелем, мне и во сне бы не привиделось.

До ружья было далеко и, находился я не на земле, а на дереве, поэтому мне ничего не оставалось, как быть наблюдателем. Верблюд ничего не подозревал, а тигр был уже совсем близко. Вот он весь подобрался и прыгнул на верблюда, сразу ухватившись зубами и лапами ему за горб. Верблюд с ревом вскочил на ноги. И тигр повис на бедном животном.

Верблюд побежал, высоко вскидывая ноги. Он перемахнул через русло канала, пронесся по всему саду и устремился в аул. Тигр все висел на нем. Люди начали кидать в верблюда камнями, чтобы отогнать его подальше. А тот, насмерть перепуганный, искал спасения как раз у людей. И как они ни гнали его, как ни кричали, он упорно прорывался к аулу. Трижды обежав вокруг селения, он вдруг повернул к старым амбарам. Тут он споткнулся и упал на передние колена. Тигр, коснувшись задними лапами земли, с такой силой сразу рванул верблюда за горб, что тот тут же испустил дух. А тигр, совершив свое злодейское дело, не спеша отправился восвояси, довольный, что ему все-таки удалось покататься на верблюде.

Мне вы, конечно, вольны не верить. Но все это видел ведь не я один, а многие.

БОДЛИВЫЙ БЫК

Приключилось у нас в ауле и еще одно любопытное происшествие.

Был в нашем стаде бодливый бык. Никто не мог с ним справиться. На него и глядеть-то было страшно. Ростом со слона, рога – недлинные, но острые и прямые, как клинки кинжалов. Глаза горят зеленым огнем, ноздри раздуваются, с губ стекает пена, как у бешеного верблюда.

Он ни одного быка не подпускал к стаду. Как завидит поблизости чужака, так и ринется на него, задрав хвост и нагнув голову. И каждый раз соперник позорно отступал, побыстрее унося ноги. Горе было тому, кого настигал наш вояка!

Мы все боялись этого бандюгу. Если уж он на тебя разозлился, то берегись: погонится да так поддаст рогами, что взлетишь к небу, словно бумажный змей. В ауле его называли чертом и, когда он попадался навстречу, начинали подобострастно уговаривать: "Хаукем-хау-

кем, ты хороший бык, ты самый распрекрасный бык!.." Несмотря на это, аул быком дорожил, лучшего сторожа не найти было для стада.

У быка имелся хозяин. Но он сам настолько остерегался своего питомца, что за все годы ни разу не попытался привязать его за рога или загнать в хлев. Попробуй, загони такого! Если сам не соизволит, так всю ночь будет бродить по улицам, на страх случайным прохожим. Бык таким образом как бы принадлежал всему аулу.

И вот он пропал. Прошел день, второй, а наш черт словно в воду канул. Пастух ума не мог приложить, где его еще искать.

– Ох, несчастный я человек,– сокрушенно вздыхал он.– Не углядел за бодливой красой и гордостью нашей.

Да, это была большая потеря. И не только для хозяина быка, но и всего аула.

На третий день несколько человек – среди них был и я – отправились на поиски. Мы долго рыскали по окрестностям, но не нашли и следа. Усталые, мы возвращались в аул пересохшим руслом Киятжаргана. И вдруг видим: стоит наш бык, уперся мордой в крутой берег. Неподвижен, словно камень. Подошли ближе и застыли, как вкопанные. Бык, оказывается, прижимал рогами... тигра! Хищник, видно, решил, что дело имеет с обыкновенным быком, и без раздумий напал на него. А тот, извернувшись, пронзил тигра своими рогами, приподнял и пригвоздил к обрыву.

Мы долго топтались на месте, не решаясь подступиться к быку. Ведь если тигр еще жив, то нам не сдобровать! Наконец мы все-таки приблизились к животным. И убедились, что тигр уже мертв.

Услышав наши голоса, бык вырвал из тигриной туши свои рога, чуть отступил от обрыва и, глубоко вздохнув, рухнул, как подкошенный, на землю.

Видно, столкнулся он с тигром давно, и все эти дни упрямо держался на ногах, боясь отпустить хищника. Когда пришли мы, он уже вконец обессилел.

Все в ауле были восхищены храбростью и упорством быка и тяжело переживали его гибель.

НАКАЗАННАЯ САМОУВЕРЕННОСТЬ

Тигры настолько одолели жителей Талдыкской волости из рода муйтен, что они подали жалобу турткульскому приставу.

Хищники обнаглели, нападали не только на домашний скот, но и на людей. Больше всех страдали от них бедняки. Вот народ и просил у пристава защиты.

Пристав до слез хохотал над их жалобой. А потом вызвал к себе начальника отряда Александра Злобина, любителя поохотиться, с несколькими солдатами и, усмехаясь, сказал:

– Из Талдыкской волости пришла жалоба... на тигров. Это верно, что тигр может нанести людям большой ущерб?..

– Точно! – подтвердил один солдат.– Если тигр шибко злой, так он может здорово повредить. Он тогда не глядит, кто перед ним: скотина или человек. На всех бросается.

Пристав надулся, подкрутил усы и важно произнес:

– Выходит, жалоба правильная. И надо принять меры.

Злобин быстро проговорил:

– Ваше превосходительство, поручите мне!

– Ладно,– согласился пристав.– Отправляйся с людьми в Талдыкскую волость, успокой народ.

Злобин был человеком средних лет, протершим штаны в канцеляриях. Он никогда не нюхал пороха и получил офицерский чин на интендантской службе. Охоту любил, но промышлял больше мелкую дичь: фазанов, зайцев, диких гусей и уток. Да и то не один, а целым отрядом.

Через несколько дней Злобин с солдатами добрался до Чимбая.

Не знаю, откуда он про меня проведал, но вскоре явился посыльный: меня приглашали к Злобину. Захватив ружье, я поспешил к начальству. Надо сказать, я видел и прежде этого офицера. И насчет того, зачем он пожаловал, мне тоже было известно. Поэтому я не удивился, когда он коротко приказал:

– Ты поведешь нас, ясно?

Я, конечно, согласился с превеликим удовольствием. Вы же знаете, что при одной мысли об охоте я начинаю дрожать от возбуждения.

Мы прибыли к озеру, в окрестностях которого бесчинствовал тигр. Он тут всех так запугал, что о нем говорили только шепотом. Нам показали, где следует искать хищника. Он обитал на берегу озера, в густом камыше.

Я рассказал Злобину о повадках тигров и предупредил, что зверь это сильный, ловкий, хитрый. Чтобы справиться с ним, надо и самому быть ловким, находчивым. Злобин пренебрежительно отмахнулся:

– Чепуха! Со мной хорошо вооруженный отряд. Что против нас тигр? – И скомандовал солдатам:– Рассыпаться в цепь, следовать за мной! Без приказа не стрелять!

Цепью мы двинулись в камыши. Шли трудно и долго. Потеряли счет времени, когда, наконец, увидели тигра. Он лежал спокойный и бес-

страшный, недобро щуря на нас глаза. Было до него шагов сто. Злобин, обернувшись к нам, крикнул:

– Кто без моего приказа выстрелит в тигра, пусть пеняет на себя! Всем оставаться на местах! Я один с ним справлюсь. Это мой трофей!

Он пошел к тигру.

– Стойте! – с тревогой прокричал я ему в спину.– Приближаться к тигру опасно. Зверь на вас может прыгнуть! Позвольте, я его пристрелю отсюда!

Но Злобин опять откликнулся пренебрежительно:

– Чепуха!

Шагов за сорок до тигра офицер свернул в сторону. Видно, решил обойти хищника. Тигр был неподвижен. Казалось, не замечал приближения человека. И вдруг пулей он сорвался с места и оказался около Злобина. Зверь сбил его, навалился всем телом.

Мы от неожиданности растерялись, потом кинулись к месту схватки. Я поднял было ружье, собираясь стрелять, но кто-то стиснул мне локоть:

– Ты что, не слышал команды? Без приказа – не стрелять!

В эту минуту и донесся до нас отчаянный вопль:

– Стреляйте, идиоты!

Мы вскинули ружья, прицелились, но боялись попасть в Злобина. Однако тигр мог растерзать самоуверенного офицера. А осатанев от легкой победы и запаха крови, броситься на нас. Еще неизвестно, успели бы мы увернуться.

Уловив момент, когда тигр, возившийся над Злобиным, повернулся к нам боком, я нажал курок. Грянул выстрел. Зверь взметнулся вверх, плашмя рухнул на землю. Больше он уже не двигался. Злобин, не поднимаясь, спросил слабым голосом:

– Убили?..

Услышав ответ, он сел на земле, принялся себя ощупывать. Мы, сочувственно посматривая, окружили командира. Правая рука у него висела, как плеть, одежда вся порвана.

– Этот зверюга все кости мне переломал! – пожаловался он, вздохнув.

– Чепуха! – беспечно произнес я.– Вернетесь в Турткуль, там мигом вас вылечат.

Злобин понял иронию, таившуюся в моих словах. Лицо его залилось краской, и он проговорил:

– Ты был прав. И спасибо тебе...

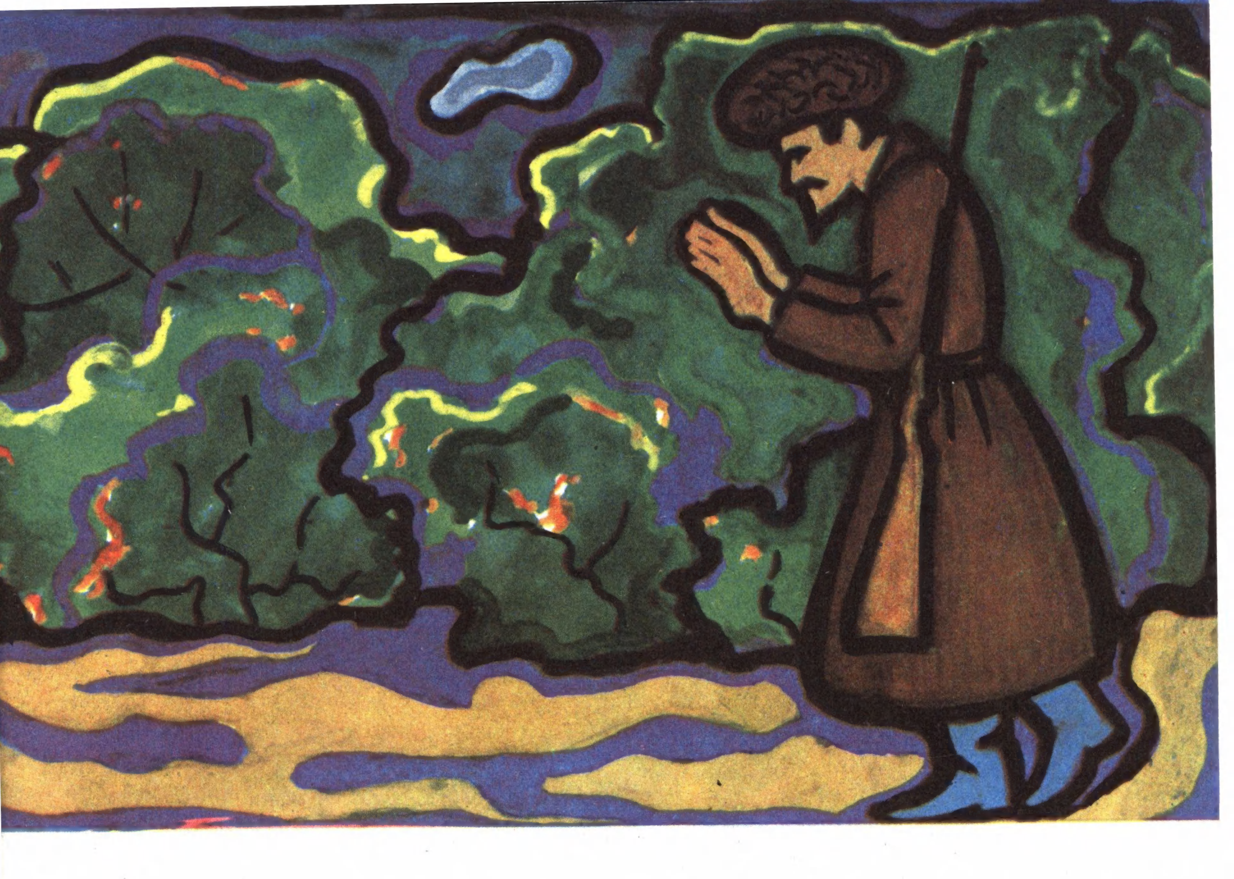
Я РАСКЛАНИВАЮСЬ С ТИГРОМ

Когда я рассказываю о своих удивительных встречах с тиграми, друзья и знакомые только пожимают плечами:

– Странное, мол, дело, почему это все время тебе на пути попадаются тигры, а большинство охотников их и в глаза не видывало? Не иначе, ты носишь с собой какой-то магнит, притягивающий хищников.

Я и сам поражаюсь: с чего мне так везет на встречи с тиграми? Бывало, уйду далеко от тех мест, где доводилось с ними сталкиваться, ну теперь, думаю, я в полной безопасности, тигров здесь быть не должно. Глянь, а тигр тут как тут!

Как-то осенью шел я по берегу канала Куаныш-Джарма. Как всегда, с ружьем за плечами. Надеялся подстрелить зайца или фазана.

Продираюсь сквозь заросли джингила, и вдруг навстречу, высунув язык, шествует... тигр! От неожиданности оба мы остановились, как вкопанные. Расстояние между нами – шагов десять. Я смотрю на тигра, а он уселся на задние лапы и, тихо рыча, тоже на меня смотрит.

Что было тут делать? Стрелять?.. Но тигр не дал бы мне поднять ружье. Нет, надо расходиться с миром.

Низко-низко кланяясь и повторяя: "Шерим-шерим, ты сильный тигр, ты добрый тигр!" – я начал пятиться задом. Отступив шагов на триста, я выпрямился. Тигр и не думал меня преследовать.

Я не стал прибегать к оружию. Раз тигр удовлетворился моими поклонами, мне ничего больше не оставалось, как повернуться и уйти.

Так мы встретились с тигром в последний раз.

...Да, все, о чем я рассказал, было. А это уж ваше дело: верить мне или нет.

20 к.